

«КРАСНАЯ УГРОЗА» В 1917–1918 ГОДАХ В ОЦЕНКАХ ПРЕССЫ США

Д.А. Ильин

Автор анализирует американскую прессу и рассматривает события революционной России через призму формирования «Красной угрозы». Этот образ претерпевал изменение и был сформирован не сразу. В начале газеты акцентировали свое внимание на радикальной и анархистской направленностях движущих сил России. Постепенно к образу прибавился еще и «антигерманский» компонент, выразившийся в подрыве союзнических обязательств перед Антантой, а он, в свою очередь, «подтянул» за собой и национальную составляющую для США. Также автор отмечает, что анархизм, пацифизм и шпиономания – все эти смысловые конструкты были введены и апробированы изначально для внутренней повестки Соединенных Штатов, а уже после перенесены на интерпретационную решетку событий вокруг России.

Ключевые слова: Американская пресса, «Красная угроза», большевики, Комитет общественной информации, США

The author analyzes the American press and examines the events of revolutionary Russia through the prism of the formation of the «Red Threat». This image was changing and was not formed immediately. At the beginning, the Newspapers focused on the radical and anarchist tendencies of Russia's driving forces. Gradually, the «anti-German» component was added to the image, which was expressed in undermining the allied obligations to the Entente, and it in turn «tightened» the national component for the United States. The author also notes that anarchism, pacifism, and espionage-all these semantic constructs were introduced and tested initially for the internal agenda of the United States, and then transferred to the interpretation grid of events around Russia.

Key words: American press, the «Red Threat», Bolsheviks, Committee of public information, the USA

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-123-130

Ильин Дмитрий Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения. ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет».

События революционной России являются одной из фаз Первой мировой войны. Изучение начального этапа формирования образа большевистской или «Красной угрозы» важно как для понимания взглядов общества и применяемых мер США для своей внутренней безопасности, так и последующих внешнеполитических шагов, которые приведут к американскому военному присутствию на территории Сибири и Дальнего Востока. Главным индикатором для изучения идей и образов, закладываемых в американское общество, в рассматриваемый период, является пресса.

Участие России в Первой мировой войне на стороне Антанты позитивно отразилось на образе страны в американской прессе. Если в начале войны Россия ставилась в один ряд с монархическими (авторитарными) государствами, которые используют изжившую форму правления¹, то к 1917 г. она стала полноправным союзником в борьбе за демократические ценности. Зимне-весенние события в России 1917 г. газетами США будут восприняты обнадеживающе².

Ситуация начинает меняться к лету, когда Россия погрузилась в череду политических кризисов. В прессе Соединенных Штатов появляется материал с попыткой рефлексии над произошедшими событиями в России. Наряду с пассажами о выборе новой властью правильного вектора в политике (амнистия для политических заключенных, свобода вероисповедания, свобода слова и всеобщее избирательное право), обозначаются и трудности в лице радикальной оппозиции. Зачастую американские СМИ шли по пути упрощения, вешая на нее знакомые американскому читателю ярлыки радикалов и анархистов.

Одной из характерных черт американской прессы лета 1917 г. была попытка продемонстрировать состоятельность и дееспособность официальной власти в России. Например, в «New York Tribune» находим сюжет под заголовком: «Не потерпит насилия». В нем сообщается, что генерал П.А. Половцов ввел военное положение в Петрограде в ответ на анархию ленинцев. Автор статьи конструирует две линии. Во-первых, образ «врага», который формировался посредством формулировок: «<...> ленинцы продолжают свою анархическую деятель-

¹ Ильин Д.А. «Дух войны наполняет европейские столицы»: позиция американской прессы в начале Первой мировой войны // Самарский земский сборник. 2018. № 1 (28). С. 73–75.

² Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М., 2012. С. 764; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. (к вопросу об альтернативах американской политики от февраля к октябрю): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. М., 2006. С. 15.

ность». Во-вторых, образ союзнической официальной власти, которая держит ситуацию под контролем: «<...> они будут раздавлены железной рукой, так как совет и Временное правительство пользуются доверием армии и казачества»³. В глазах читателей было важно показать Россию как боеспособного союзника. Связано это было с тем, что Соединенные Штаты совсем недавно вступили в войну.

Параллельно на страницах прессы существовало две России: 1) союзническая и фронтовая; 2) революционная и с радикальными элементами. Причем авторы публикаций всегда рассказывали о них в одном блоке в качестве противопоставления. Очень скоро в американских газетах радикалы стали главными виновниками неудач на фронте. Самое часто встречающееся обвинение было связано с тем, что «ленинцы и предатели находят почву для своих агитаций»⁴, в то время, когда российская армия испытывает сложную ситуацию с боевым духом. Наибольший информационный эффект данная тема получила к 20-м числам июля 1917 г. Большинство крупных изданий вышли под заголовком: «Большевистская партия обвиняется в двойном кризисе в России». Речь шла о провале летнего наступления и сложившемся политическом кризисе в июле. Сразу же была определена причина кризисов: агитация большевиков во главе с В.И. Лениным. Корреспондент указывает на связь лидера большевиков с немецкими агентами: «<...> большевики малочисленны, а в некоторых случаях им помогают немецкие агенты»⁵.

Очередной ступенью в эволюции образа радикальной оппозиции в России стало добавление «американской» составляющей. Одним из примеров является новостной материал под заголовком: «Американский консул Рэй подвергся нападению»⁶. В заметке сообщалось, что член партии большевиков напал на американского консула Рэя (1916–1917 гг. в Одессе) и сбил его с ног, после чего несколько хулиганов окружили консула и заявили, что будут расстреливать всех, кто не смог снять шляпы в их присутствии. Здесь мы вновь наблюдаем уже типичный прием: бесконтрольным варварским большевикам противопоставляется общественность, которая сразу же вмешалась и отстояла американского консула. Американскую общественность достаточно сильно всколыхнуло данное обстоятельство, ведь жизнь гражданина США была высшей ценностью в сознании янки. Сразу же после этого инцидента в обществе Соединенных Штатов появился

³ New York Tribune. 1917. July 19. P. 2.

⁴ The New York Times. 1917. July 13. P. 2.

⁵ Evening Star. 1917. July 23. P. 2; The Tampa Times. 1917. July 24. P. 3; The Houston Post. 1917. July 24. P. 2; New York Tribune. 1917. July 24. P. 2, etc.

⁶ Salt Lake Telegram. 1917. August 23. P. 5; Oakland Tribune. 1917. August 23. P. 1; etc.

запрос на информацию о большевиках. Авторы публикаций всячески пытались «нащупать» портрет типичного представителя этой партии. В итоге все это вылилось в большую статью корреспондента «United Press International» У.Г. Шепарда под заголовком: «Русские большевики, вдохновленные немцами, терроризируют столицу». Интересно, что материал датируется 29 августа, но в прессе напечатан лишь 22 сентября. Статья получила широкое распространение в большинстве штатов и перепечатывалась еще очень долго с момента первой публикации.

Ключевым моментом в статье Шепарда является то, что он описал портрета большевика: «<...> он не женат, у него нет собственного дома, нет обязанностей перед детьми или семьей». Также он актуализировал материал для граждан США: «В любом из крупных городов Соединенных Штатов можно увидеть большевиков. Они обычно носят распущенные галстуки, длинные волосы, не слишком часто бреются и тратят свое время на то, чтобы показать, насколько неправильны вещи в мире. Женщина-большевик стрижет волосы, она их вообще никогда не собирает»⁷. Журналист фактически сформировал памятку для жителей Америки. Такое построение текста, вероятно, связано с набирающей обороты в стране шпиономанией⁸.

Делая выводы после анализа статьи Шепарда, стоит отметить, что он обобщает и закрепляет образы большевиков и анархистов, сформированные в прессе ранее. Как и прежде, журналист разделяет Россию и большевиков, которые, по мнению Шепарда, использовали простой народ России, как в армии, так и вне ее, под влиянием немецких агентов. Примечательно и то, как американский корреспондент проявляет интерес между строк и к вопросам внутренней безопасности. Изобретательно и рельефно он описывает альтернативу, перед которой оказались США: борьба с местными анархистами или участь Петрограда. Такая постановка вопроса позволяла, как оправдывать деятельность Бюро расследований, в ходе которой порой нарушались свободы и права обычных граждан США⁹, так и обосновывать постоянно увеличивающийся бюджет организации¹⁰. Директор Бюро Брюс Биласки в 1917 г. указывал, что его организация является

⁷ Fayetteville Daily Democrat. 1917. September 22. P. 2; Greenville News. 1917. September 22. P. 1; The Daily News. 1917. September 25. P. 5; etc.

⁸ Суржик Д.В. Англо-германская информационная война в США в годы Первой мировой войны // *Пространство и Время*. 2013. № 1 (11). С. 88–93.

⁹ Schmidt R. Red Scare: FBI and the Origins of Anticommunism in the United States, 1919–1943. Copenhagen, 2000. P. 72.

¹⁰ Левин Я.А., Буранок С.О. «Красная угроза» как элемент внутренней политики США 1917–1920 годов: деятельность Бюро расследований Министерства юстиции // *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 287–296.

нервным центром всезнающей секретной службы, которая защищает американцев от кайзеровских шпионов и диверсантов¹¹. На страницах прессы угроза от большевиков преподносилась как побочная ветвь немецкой подрывной деятельности.

Журналистов очень заинтересовал сюжет Шепарда. Следующим шагом в развитии темы следовало сосредоточение на исторических корнях анархизма. Так, в качестве доказательной базы журналистами использовалось дело Беркмана и Голдман, которых задержали 15 июня 1917 г. за антивоенную деятельность¹². Тот факт, что Беркман и Голдман вели свою анархистскую работу в Соединенных Штатах, ранее прибыв из России, лишь усиливает образ большевистской угрозы в контексте схожих коннотаций на страницах печати.

Ноябрьский большевистский захват власти в Петрограде не стал неожиданностью для Америки. Газеты подробно освещали восстание Петроградского гарнизона и его переход на сторону «радикальных пацифистов»¹³. Именно «радикальные пацифисты» выступали в качестве главной движущей силы восстания на страницах печати. Номер столичной «The Washington Times» 8 ноября вышел под заголовком: «Русские пацифисты восстали. Сообщается, что Керенский свергнут»¹⁴. Особенность этого заголовка в том, что информация о свержении А.Ф. Керенского не является вердиктом, а всего лишь передает телеграфное сообщение. Такая формулировка давала читателю надежду на ошибочность полученных вестей из Петрограда, так как всю осень образ Керенского был главным противопоставлением образу пацифистской угрозе – выхода России из войны. С 6 апреля 1917 г. в американском общественно-политическом дискурсе понятие «пацифизм» фактически приобретает негативные коннотации: между неприятием войны и предательством ставился знак равенства¹⁵. Смысловое наполнение понятия «пацифизм» как для внутренней повестки, так и для внешней идентичны – угроза для благополучия США.

Если суммировать реакцию прессы, то нужно отметить, что большинством американских изданий большевистский захват столицы не был оценен должным образом. Ноябрьские события воспринимались как «очередной» июльский кризис, который закончится через небольшой промежуток времени. Именно поэтому они освещались

¹¹ *McCormick C.H.* Seeing Reds: Federal Surveillance of Radicals in the Pittsburgh Mill District, 1917–1921. Pittsburgh, 1997. P. 12.

¹² *Oakland Tribune.* 1917. October 1. P. 1.

¹³ *El Paso Herald.* 1917. November 5. P. 1.

¹⁴ *The Washington Times.* 1917. November 8. P. 1.

¹⁵ *Воронин В.Ю.* Пацифистское движение в США в 1914–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2008. С. 19.

через призму наработок, сложившихся за лето-осень 1917 г. Максималисты, крайние радикалы, анархисты, социалисты – пресса начинает переходить на обобщение всех их как большевиков.

Следующим этапом в становлении концепта «Красная угроза» явились Брест-Литовские мирные переговоры. В информационное освещение этих переговоров СМИ включились не сразу. Изначально газеты не верили в действительное заключения этого договора. Примером могут служить следующие заголовки: «Русско-гуннский мирный договор маловероятен»¹⁶; «Немецко-русский мирный договор ни к чему не приведет»¹⁷; «Россия и Германия не могут договориться»¹⁸. Лишь после январского президентского послания Конгрессу США пресса начинает массово публиковать материалы, касающиеся этих переговоров¹⁹. После того как Вильсон потребовал от чиновников Госдепа проводить жесткую грань между русским народом и его правительством-большевиками²⁰, это непременно нашло отражение и в заголовках периодических изданий. Для нейтрально окрашенных событий с использованием слова «Россия»²¹, а негативных – «большевики; Троцкий и Ленин»²². Большинство американских публикаций были написаны через призму идеологии внешней политики США, заложенной В. Вильсоном в «14 пунктах». Наибольшее количество статей по этой теме приходится на 4 марта, когда широкому кругу американцев стало известно о заключении Брест-Литовского мирного договора.

Данные переговоры СМИ Соединенных Штатов связывали с угрозами жителям России, Восточному фронту, демократическому миру, людям, которые проживают на территориях, отданных после заключения мира. Аналитические статьи публиковались редко. Очень важно, что в данный период происходит объединение образов гуннов и большевиков. Осуществлялось это объединение, в том числе и посредством большого количества карикатур. Связующим звеном являлась информация о прогерманской направленности Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина.

Очевидно, что большевистская революция в России 1917 года напугала американскую общественность своими призывами к свержению устоявшихся правительств и экспроприации частной собственности, а Брест-Литовское мирное соглашение с Германией сделало

¹⁶ The Independent – Record. 1917. December 23. P. 1.

¹⁷ The Vicksburg Herald. 1917. December 23. P. 1.

¹⁸ Daily Advocate. 1917. December 26. P. 1.

¹⁹ The Sun. 1918. January 20. P. 26; Chicago Tribune. 1918. January 20. P. 1; St. Louis Globe-Democrat. 1918. January 20. P. 6, etc.

²⁰ Мальков В.Л. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918 г.) // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 123–133.

²¹ The Tampa Times. 1918. March 1. P. 1; The Richmond Palladium. 1918. March 1. P. 1; etc.

²² The Bridgeport Telegram. 1918. March 4. P. 1; Altoona Times. 1918. March 4. P. 1; etc.

большевистский режим предателем Союзного дела, если не фактически прогерманским. Антинемецкие настроения были перенесены на большевиков²³. В обоих случаях акцентируется внимание на их противопоставлении демократическим идеалам США.

Еще одним эпизодом в становлении «Красной угрозы» стала ситуация вокруг документов Эдгара Сиссона, которые стали сенсацией в СМИ после их публикации в сентябре 1918 г. Главная мысль этих материалов и комментариев к ним заключалась в том, что Ленин и Троцкий – немецкие агенты и попросту продали Россию²⁴. В карикатурах большевики представлялись в образах предателей – Бенедикта Арнольда и Иуды Искарота²⁵. Эти документы стали обоснованием для общественности необходимости интервенции в России.

К лету 1918 г. общественное мнение США стало поддерживать усиление интервенции на Русском Севере. На страницах печати интервенция преподносилась исключительно антигерманской, поскольку она была направлена на нейтрализацию немецкой активности в России и навязывание кайзеру «второго фронта». Но этот антигерманизм настолько тесно переплетался с антибольшевизмом, что они были неразлучны в ситуации с интервенцией. Таким образом, пока продолжались военные действия с Германией, американская интервенция могла быть откровенно антигерманской и в то же время тайно антибольшевистской. Такое положение сохранялось вплоть до 11 ноября. Лишь после Компьенского перемирия интервенция приобрела антибольшевистский характер и в газетах именовалась «крестовым походом»²⁶. С этого момента можно говорить о начале присутствия полноценной «Красной угрозы» на страницах печати Соединенных Штатов.

По итогам анализа американской прессы рассматриваемого нами периода можно сделать выводы. Во-первых, образ «Красной угрозы» претерпевал изменение и был сформирован не сразу. В начале газеты акцентировали свое внимание на радикальной и анархистской направленностях движущих политических сил России (максималисты, ленинцы и большевики), которые представляли угрозу для внутренней безопасности страны, а именно для дальнейшего развития демократических устоев. Постепенно к образу прибавился «антигерманский» компонент, выразившийся в подрыве союзнических обязательств перед Антантой, а он, в свою очередь, «подтянул» за собой и составляющую собственно для США. Анархизм, пацифизм и шпиономания – все эти

²³ Schmidt R. Op. cit. P. 25.

²⁴ Richmond Times-Dispatch. 1918. September 15. P. 24; Evening Star. 1918. September 15. P. 5; Bisbee Daily Review. 1918. September 17. P. 1; The Sun. 1918. September 21. P. 4; etc.

²⁵ New York Tribune. 1918. September 22. P. 3.

²⁶ Murray R.K. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919–1920. N.Y., 1964. P. 41.

смысловые конструкты были введены и апробированы изначально для внутренней повестки Соединенных Штатов, а уже после перенесены на интерпретационную решетку событий вокруг России. На протяжении 1917–1918 гг. в печати параллельно существует две России – революционная и союзническая. С одной стороны, это все действия радикалов, направленные против цивилизованного мира и демократических ценностей, а с другой – это союзники по Восточному фронту. С января 1918 г. после речи Вудро Вильсона в прессе уже наблюдается разделение на большевиков и на Россию. Наличие большого количества всевозможных необоснованных историй в американских газетах («смерть» Ленина, постоянные «крахи» большевистского правительства, уничтожение Красной Армии и дело Сиссона) еще больше затуманивали и без того мрачный взгляд на Россию. В период с 1917 по 1919 г. в одной только газете «The New York Times» было опубликовано почти 100 сообщений о кончине российского правительства, что являлось открытым редакционным пожеланием газеты.